

ПСИХОЛОГИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
К УСЛОВИЯМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
У ГОССЛУЖАЩИХ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

© 2008 г. Л. Н. Блохина

*Соискатель Психологического института РАО, сотрудник отдела координации работы психологов,
Федеральная таможенная служба России, Москва
E-mail: lnblohina2004@mail.ru*

Исследовался феномен предрасположенности к развитию синдрома психологической адаптации и дезадаптации. Верифицирована гипотеза, согласно которой предрасположенность к развитию синдрома дезадаптации у государственных служащих связана с низкими показателями социального интеллекта (когнитивный компонент), неудовлетворенной потребностью в доминировании (мотивационный компонент) и, как следствие, актуализацией деструктивных психологических защит. Типы дезадаптивного поведения могут быть классифицированы по двум основаниям: замещение потребности в доминировании соподчиненными потребностями (потребностью в зависимости или противодействии); снижение контроля за удовлетворением замещающих потребностей.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, психологические защитные механизмы, социальный интеллект, потребность в доминировании, потребность в зависимости, потребность в противодействии.

В настоящее время в рамках традиционных представлений о профессиональной пригодности (К.М. Гуревич, В.А. Бодров и др.) актуальной является задача эффективного прогнозирования успешности профессиональной деятельности государственных служащих таможенных органов. С нашей точки зрения, ее решение целесообразно осуществлять с позиций теории социально-психологической адаптации, рассматривающей психологические процессы приспособления человека, обладающего собственными потребностями, мотивами, интересами, к существованию в обществе в соответствии с его требованиями [16].

Строгая регламентация режима труда, нормативность профессиональных действий и поведения в социуме, информационная неопределенность, необходимость ежедневного взаимодействия с широким кругом людей, высокая мера ответственности за принятые решения и другие социально-психологические характеристики условий труда требуют от должностных лиц таможенных органов значительного личностного адаптационного ресурса при выполнении своих профессиональных обязанностей. В основе психологических адаптационных механизмов человека лежат психологические особенности, наиболее значимые для регуляции психической деятельности.

Совокупность психологических особенностей, позволяющих успешно или неуспешно решать за-

дачи по адаптации к профессиональной среде, можно рассматривать соответственно как синдром адаптации или дезадаптации¹. У адаптированной, уравновешенной, гармоничной личности тенденция к самореализации сбалансирована высоким самоконтролем, обеспечивающим соблюдение нормативных требований среды. У дезадаптированной личности наблюдается либо значительное преобладание эгоцентрических потребностей над потребностью соблюдения норм социума, либо, наоборот, чрезмерная ориентация на внешнюю оценку, препятствующая реализации своих способностей. Чем более выражен характер и индивидуальность человека, тем большая нагрузка выпадает на функцию контролирующих систем, сохраняющих баланс [21].

В сфере профессиональной деятельности несоответствие между требованиями профессиональной среды и возможностями человека обусловливает интрапсихический конфликт, вызванный необходимостью выбора между двумя

¹ Понятие “синдром” в психологии обозначает определенное сочетание признаков (симптомов) какого-либо явления, объединенных единым механизмом возникновения. Описаны, например, “синдром эмоционального сгорания”, состоящий из таких психологических характеристик как эмоциональная истощаемость, деперсонализация и др. и представляющий собой частный случай профессиональной дезадаптации (Х. Фрейденберг, П.М. Мирошников), “синдром трудного темперамента” (А. Торгерсен) и т.п.

адаптационными стратегиями: сохранением психического баланса за счет отказа от достижения профессионально значимых результатов или достижением таких результатов ценой нарастания психической напряженности и ухудшения психического и физического здоровья [4]. Таким образом, для достижения наибольшей адаптированности к условиям профессиональной деятельности необходимо выявить комплекс психологических особенностей, обеспечивающих оптимальный баланс между возможностями человека и требованиями профессии.

В соответствии с системным субъектно-деятельностным подходом к психологическому изучению профессиональной деятельности [8], реализацию данной задачи целесообразно начать с рассмотрения основного функционального предназначения таможенных органов в целом. Таможенный кодекс Российской Федерации определяет таможенные органы как “федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области таможенного дела, которое представляет собой совокупность методов и средств обеспечения соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования и запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации...” [24, с. 5]. В качестве основных функций таможенных органов выделяют *фискальную* (взыскание с участников внешней экономической деятельности таможенных и иных платежей в бюджет государства) и *правоохранительную* (защита экономической безопасности России путем противодействия контрабанде и нарушению таможенных правил) [там же, с. 276].

Данное функциональное предназначение таможенных органов дает основание утверждать, что прохождение должностными лицами государственной службы в сфере таможенного дела связано с реализацией специфических форм взаимодействия с физическими и юридическими лицами и осуществлением властных действий в рамках соблюдения соответствующих правил и норм с целью выполнения определенных государственных задач. Можно предположить, что государственная таможенная служба относится к типу социомических профессий, предоставляющих сотруднику возможность проявить, в первую очередь, те свои психологические особенности, которые определяют успешность социального взаимодействия в соответствии с профессиональными целями и конвенциональными нормами [10, 15].

В соответствии с ресурсной моделью профессиональных способностей (спецспособностей) Н.А. Аминова, эффективность профессиональной деятельности в социомических профессиях тем выше, чем в большей степени совпадают требования профессиональной деятельности и индивидуальные особенности профессионала по ко-

гнитивному и мотивационному компонентам спецспособностей [1, 2]. Когнитивный уровень спецспособностей является реализацией “природных предпосылок” – консервативных некомпенсируемых признаков профессиональных способностей. Мотивационный уровень спецспособностей формируется на ранних стадиях онтогенеза и характеризуется свойством компенсировать низкий уровень выраженности когнитивного компонента. Данные эмпирических исследований свидетельствуют, что успешность работы в социомических профессиях обусловлена степенью развития *социального интеллекта* – когнитивного компонента, определяющего умение взаимодействовать с людьми, а также *потребности в доминировании* – мотивационного компонента, характеризующего стремление к регулированию и управлению этим взаимодействием [1, 2, 7, 23, 29].

Таким образом, в соответствии с результатами анализа функционального предназначения таможенных органов, а также вышеприведенных теоретических и экспериментальных исследований можно предположить, что предпосылками развития синдрома *адаптации* госслужащего являются высокий социальный интеллект и высокая степень удовлетворения потребности в доминировании. Предрасположенность к развитию синдрома *дезадаптации* связана с низкой степенью развития социального интеллекта и неудовлетворенной потребностью в доминировании.

В различных психологических направлениях (психофизиологии, медицинской психологии, исследованиях стресса, когнитивистски ориентированной теории диссонанса и др.) в качестве основных индикаторов дезадаптивных состояний выделяют две инвариантные характеристики: (1) наличие тревоги и психической напряженности и (2) наличие попыток их снятия, оптимизации взаимодействия со средой с помощью различных форм регуляции (механизмов психологических защит, совладания, компенсаторной деятельности и др.) [18].

Первый индикатор состояния дезадаптации – тревога и нервно-психическое напряжение – возникает, как правило, в результате интрапсихического конфликта, обусловленного существованием сравнимых по силе, но противоположных по направленности потребностей, в результате которой одна из конкурирующих потребностей блокируется. В том случае, если психическое напряжение достигает чрезвычайно сильной выраженности, актуализируется второй индикатор состояния дезадаптации – механизмы психологической защиты как способы разрешения внешних и внутриличностных конфликтов [3, 4, 14, 17, 18, 27, 28].

Существуют различные классификации механизмов психологических защит [14, 22, 27, 28].

Одной из наиболее интегрированных и концептуально разработанных теорий о защитных механизмах является структурная теория эго-защит Р. Плутчика [18]. В соответствии с этой классификацией, наиболее примитивны и наименее осознаны защитные механизмы *отрицания, регрессии, проекции, замещения*, в то время как *интеллектуализация* и *компенсация* реализуются на высоких уровнях развития личности. В качестве онтогенетически самого позднего и когнитивно сложного защитного механизма, развиваемого и используемого, как правило, сознательно, автор выделяет механизм *компенсации*.

В структурной теории механизмов защиты Плутчика рассматриваются как положительные, так и отрицательные последствия проявления психологических процессов компенсации для дальнейшего развития личности. Положительную роль компенсации, как правило, связывают с наличием механизма опосредования, или осознанной регуляции своего поведения [7, 20, 26]. Сознательно поставленная цель и контроль за собственными действиями на пути к достижению цели являются в данном случае основными звеньями опосредованного компенсаторного поведения, позволяющими произвольно коррегировать возникающие в ходе социализации неадекватные мотивы и свойства личности. Таким образом, опосредованное использование механизма компенсации является эффективной формой адаптации и показателем зрелости личности.

Поскольку деятельность госслужащих может осуществляться только в рамках установленных правил и норм поведения и, следовательно, требует сознательной регуляции, можно предположить, что позитивная реализация компенсаторных процессов, осуществляемая через механизм опосредования, является основным регулятором дезадаптивных состояний и проявлений неадекватных форм потребностей в доминировании у госслужащих.

Негативная реализация компенсаторных процессов активизируется, по-видимому, в случае нереализованности у госслужащего потребности в доминировании на предшествующих этапах онтогенеза. Нереализованные, или неудовлетворенные потребности как последствия незавершенных действий, согласно эффекту Зейгарник, могут быть удовлетворены через действия замещающие, т.е. напоминающие незавершенную деятельность или являющиеся производными от нее [6, 29]. Следовательно, неопосредованное сознанием использование компенсаторных механизмов у госслужащих проявляется как неосознанная попытка замещения потребности в доминировании соподчиненными потребностями. Поскольку любая замещающая деятельность является утрированной и позволяет лишь в какой-то степени снизить

конфликт между “мотивом личности профессионала” и “мотивом, заданным профессиональной деятельностью” [12], реализация соподчиненных потребностей создает разной степени выражения состояния тревоги, психического напряжения и актуализации деструктивных психологических защит.

Отсутствие механизма компенсации в случае несформированных когнитивных составляющих структуры спецспособностей к госслужбе может, предположительно, сопровождаться, во-первых, неадекватным усилением, или гиперкомпенсацией по Адлеру [28], потребности в доминировании, превосходстве над другими, а также усилением эгоцентрических черт как способов преодоления своей профессиональной несостоятельности. Во-вторых, – крайними формами дезадаптированного состояния, выраженного в усилении чувства напряжения и тревоги, деструктивных психологических защит и, как следствие, нарушении подконтрольности своих действий в патологических формах проявления [6]. Исходя из этого, была сформулирована следующая *гипотеза* исследования: предрасположенность к синдрому дезадаптации проявляется в виде низкого уровня развития социального интеллекта, неудовлетворенной потребности в доминировании и, как следствие, актуализации деструктивных психологических защит.

Основные задачи исследования:

1. Выявить комплекс личностных переменных, характеризующих социальный интеллект и степень удовлетворения потребности в доминировании и лежащих в основе предрасположенности к проявлению синдрома адаптации и дезадаптации.
2. Проанализировать основные типы психологических защитных механизмов, характерных для синдрома адаптации и дезадаптации.
3. Описать компенсаторные и некомпенсаторные формы предрасположенности к проявлению синдрома дезадаптации.

МЕТОДИКА

В исследовании были использованы следующие *методики* и *показатели*:

1. Для оценки степени *адаптированности* применялся 16-факторный опросник Р. Кеттелла [25]. Поскольку спецификой деятельности государственного таможенного служащего является слабовыраженная объективно-критериальная основа для оценки ее эффективности [16], в настоящей работе использовался косвенный показатель социально-психологической адаптированности – соотношенная фрустрационная напряженность, или *индекс адаптации*, полученный Ф.Б. Березиным [4] в результате исследований процесса пси-

хической адаптации человека к условиям внешней (в том числе, профессиональной) среды и представляющий собой соотношение фактора *C* (эмоциональная устойчивость–неустойчивость) и фактора *Q4* (фрустрационная напряженность) личностного опросника Р. Кеттелла. Было установлено, что данный показатель имеет физиологические (артериальное давление, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, альфа-ритм фоновой ЭЭГ и др.) и биохимические корреляты у групп с эффективной психической адаптацией и стойкими ее нарушениями. Индекс адаптации (*C/Q4*), во-первых, достоверно дифференцирует не только крайние группы (с эффективной психической адаптацией и со стойкими ее нарушениями), но и промежуточную (с неустойчивой психической адаптацией) и, во-вторых, не изменяется в зависимости от интенсивности требований, предъявляемых к адаптационным механизмам в конкретных условиях среды.

2. Для оценки выраженности *социального интеллекта* был использован Стандартизованный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) [21]. В соответствии с результатами исследований Г. Марлоу [2], использовались оценки по шкале социальной интроверсии (0-шкала СМИЛ), характеризующей уровень практических социальных умений, включенности в социальную среду и стремление вступать в социальные контакты.

3. Оценивались также потребности в доминировании и основные типы психологических защитных механизмов, используемых индивидуумом для разрешения противоречий между требованиями профессиональной деятельности и индивидуальными особенностями.

Удовлетворение психологической *потребности в доминировании* предполагает, в соответствии с теоретическими и экспериментальными исследованиями в отечественной и зарубежной психологии [11, 12, 19] двух психологических метасистем – мотивации личности и мотивации деятельности, сформированность соответствующей *мотивационной черты доминантности*, позволяющей контролировать и регулировать процесс социального взаимодействия [9, 13, 29]. Согласно содержательной интерпретации факторов личностного опросника Кеттелла, референтным поведенческим показателем степени выраженности мотивационной черты доминантности, является фактор *E* (доминантность–конформность). Фактор *E*, по эмпирическим данным [9, 13], оказался наиболее значимо связанным с положительным самоотношением, самопринятием, самооценностью, чувством ответственности за происходящие события и стремлением доминировать в межличностных и деловых отношениях и является пока-

зателем адаптивности у лиц, профессиональная деятельность которых требует проявления активности, настойчивости и ответственности.

В качестве референтного эмоционального показателя степени выраженности мотивационной черты доминантности рассматривался *защитный механизм компенсации* [1, 26, 29], предрасполагающий к формированию конструктивных или деструктивных стилей поведения и выявляемый по опроснику механизмов защиты “*Life style index*” (LSI), адаптированному Л.П. Гребенниковым [18].

Участники исследования. В исследовании приняли участие 152 государственных служащих таможенных органов, из них 78 женщин и 74 мужчины в возрасте от 24 до 52 лет². Стаж их работы в таможенных органах составлял от 0.5 до 3 лет³, образование – высшее. Занимаемые должности относятся к категории должностей гражданской и правоохранительной государственной службы – главный инспектор, начальник отделения, начальник отдела основных подразделений (финансового, правового, правоохранительного, таможенного оформления, кадрового) таможенной службы. Должностные обязанности эти госслужащих характеризуются приблизительно равным уровнем сложности и степенью ответственности.

С целью выявления индивидуальных различий в проявлении социального интеллекта, мотивационной черты доминантности и характере психологических защит проводился сравнительный анализ групп испытуемых с различной выраженностью степени адаптированности. Для этого использовался способ разделения выборки на группы с низкими и высокими значениями индекса адаптации (*C/Q4*) Ф.Б. Березина.

Такая дифференциация выборки обусловлена тем, что деструктивная форма психологических защит, согласно вышеизложенным теоретическим представлениям о защитных механизмах личности, наиболее ярко проявляется именно у крайне дезадаптированных индивидов, обладающих наиболее выраженной эмоциональной неустойчивостью (фактор *C* личностного опросника Кеттелла) и наибольшей фрустрационной напряженностью (фактор *Q4* личностного опросника Кеттелла) [4]. У остальных испытуемых механизмы психологических защит могут использоваться менее интенсивно и тем самым незначительно проявляться в поведении.

Поскольку индекс адаптации не подчиняется закону нормального распределения ($Z = 3.06$; $p < 0.00$), выборка была разделена на группы по медиане интерквантильным способом. В группу с

² В возрасте от 20 до 30 лет – 96 чел.; от 31 года до 40 лет – 28 чел.; от 41 года до 50 лет – 23 чел.; старше 50 лет – 5 чел.

³ Со стажем от полугода до года – 72 чел.; от года до двух лет – 54 чел.; от двух до трех лет – 26 чел.

Таблица 1. Результаты сравнения средних показателей типов личности по СМИЛ между группами “адаптированных” и “дезадаптированных”

Группы	Описательные статистики	Шкалы СМИЛ												
		<i>L</i>	<i>F</i>	<i>K</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
“Адаптированные”	<i>M</i>	52.38	59.77	59.49	52.14	51.46	50.47	56.83	50.17	50.86	54.52	55.21	61.54	48.09
	σ	10.89	8.22	7.50	7.20	8.46	7.90	7.80	9.80	7.48	6.90	6.65	11.03	6.70
“Деадаптированные”	<i>M</i>	46.25	73.75	51.05	51.60	57.83	51.65	61.35	52.55	58.98	61.80	60.93	63.45	55.38
	σ	8.60	16.10	6.90	9.30	9.58	9.30	14.02	8.90	13.69	12.07	12.72	10.73	7.60
<i>t</i> -критерий		-3.67	5.19	-6.09	-0.35	3.83	.74	1.92	1.31	3.52	3.57	2.68	.92	55.48
<i>p</i>		.000	.000	.000	.720	.000	.457	.050	.192	.001	.001	.010	.358	.000

Примечание. Значимые различия выделены полужирным.

высокими значениями индекса адаптации (27.6%, 42 чел.), называемую далее “адаптированные”, вошли те испытуемые, чей показатель по индексу адаптации превышал значение 2.67; в группу с низкими значениями индекса адаптации (26.3%, 40 чел.) называемую далее “дезадаптированные”, были включены те испытуемые, показатель по индексу адаптации которых был меньше 1. Анализ синдрома адаптации и дезадаптации проводился путем сравнения средних значений показателей по факторам личностного опросника Кеттелла, шкалам СМИЛ и механизмов психологических защит методики *LSI* у крайних групп испытуемых (“адаптированные” и “дезадаптированные”). Испытуемые, имеющие значения индекса адаптации в пределах от 1 до 2.67 (46%, 70 чел.), не рассматривались.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием компьютерной программы *SPSS 12.0*. Нормальность распределения показателей определялась по λ -критерию Колмогорова–Смирнова, достоверность различий – по *t*-критерию Стьюдента для независимых выборок. Для объяснения выявленных в группах “адаптированные” и “дезадаптированные” различий переменные, полученные по методикам Кеттелла, СМИЛ, *LSI*, были подвергнуты процедуре факторизации с последующим вращением факторных нагрузок по методу *Varimax*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Различия, выявленные с помощью *t*-критерия Стьюдента по всем показателям шкал СМИЛ и опросника Кеттелла, представлены в табл. 1 и 2. В группах “адаптированных” и “дезадаптированных” обнаружены различия по первичным факторам: *A* (доброта/сердечность – обособленность/отчужденность), *C* (эмоциональная устойчивость–неустойчивость), *E* (доминантность–конформность), *G* (совестливость–недобросовестность), *H* (смелость–робость в социальных контактах), *I* (мягкосердечность–суровость), *L*

(подозрительность–доверчивость), *M* (мечтательность–практичность), *N* (проницательность–наивность), *O* (склонность к чувству вины – самоуверенность), *Q1* (радикализм–консерватизм), *Q2* (самодостаточность–социальность), *Q3* (контроль желаний – импульсивность), *Q4* (напряженность–расслабленность), а также факторам второго порядка: *F1* (экстраверсия–интроверсия), *F2* (тревожность–приспособленность), *F3* (жесткая уравновешенность), *F4* (независимость–покорность) личностного опросника Р. Кеттелла, а также по шкалам *L* (ложь), *F* (достоверность), *K* (коррекция), 2 (пессимистичность), 4 (импульсивность), 6 (ригидность), 7 (тревожность), 8 (индивидуальность) и 0 (интроверсия) методики СМИЛ.

Сопоставление средних показателей защитных механизмов методики *LSI* также выявило различия в группах “адаптированных” и “дезадаптированных” (см. табл. 3): в группе “адаптированных” достоверно более выражены защитные механизмы “интеллектуализации” ($p < 0.00$) и “отрицания” ($p < 0.05$), достоверно менее выражены защитные механизмы “регрессии”, “компенсации”, “проекции”, “замещения” ($p < 0.00$) и “реактивного образования” ($p < 0.05$).

На следующем этапе исследования для выделения синдрома адаптации и дезадаптации и объяснения причин актуализации конструктивных и деструктивных форм психологических защит был использован факторный анализ переменных шкал СМИЛ, *LSI* и факторов личностного опросника Кеттелла, составляющих структуру адаптированного и дезадаптированного поведения. На основе факторного анализа было выделено пять факторов (73.72% общей дисперсии); его результаты представлены в табл. 4.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Статистически значимо различающиеся в группах “адаптированных” и “дезадаптированных” переменные составляют синдром адаптации или дезадаптации государственных служащих тамо-

Таблица 2. Результаты сравнения средних показателей черт личности по опроснику Р. Кеттелла между группами “адаптированных” и “дезадаптированных”

Группы	Описательные статистики	Факторы									
		A	B	C	E	F	G	H	I	L	M
“Адаптированные”	M	6.10	5.74	7.49	5.65	5.21	7.38	6.46	4.06	3.29	3.13
	σ	1.84	1.68	1.38	1.73	1.80	1.80	1.80	1.86	2.37	1.80
“Деадаптированные”	M	5.33	5.85	3.88	4.10	5.20	6.30	4.47	6.53	5.88	4.65
	σ	1.81	1.91	1.28	1.78	1.58	1.80	1.67	1.53	1.45	1.86
<i>t</i> -критерий		-2.25	.026	-4.72	-4.72	-0.04	-3.21	-5.88	7.39	7.79	4.44
<i>p</i>		.026	.730	.000	.000	.971	.002	.000	.000	.000	.000
Группы	Описательные статистики	Факторы									
		N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	F1	F2	F3	F4
“Адаптированные”	M	5.82	3.37	5.78	4.26	7.86	3.18	6.07	3.20	5.60	4.48
	σ	1.65	1.50	1.83	1.98	1.55	1.32	2.29	1.74	1.09	1.66
“Деадаптированные”	M	7.00	7.33	3.10	5.23	4.93	7.10	4.70	7.50	4.37	3.19
	σ	1.51	1.28	1.39	1.40	1.45	1.25	1.97	1.20	0.90	1.71
<i>t</i> -критерий		3.91	14.60	-9.33	3.23	-10.23	16.13	-3.26	15.94	-6.21	-4.0
<i>p</i>		.000	.000	.000	.002	.000	.000	.001	.000	.000	.000

Примечание. См. табл. 1.

женных органов. Межгрупповое сравнение конфигурации профилей по СМИЛ и личностному опроснику Кеттелла показывает, что у “адаптированных” противоположные индивидуально-личностные черты более уравновешивают друг друга, чем у “дезадаптированных”, что позволяет сделать вывод об их большей гармоничности и сбалансированности.

Сочетание переменных методик СМИЛ и личностного опросника Кеттелла свидетельствует о выраженности у “адаптированных” черт стенич-

ного типа реагирования (импульсивность, оптимистичность, экстраверсия), внутренних форм контроля за деятельностью в соответствии с общепринятыми нормами и правилами, низких показателей тревожного ряда и эмоциональной напряженности (см. [13, 21, 25]). У “дезадаптированных” проявляются свойства гипостенического типа реагирования (самокритичность, пессимистичность, тревожность, индивидуалистичность, интроверсия), ориентация на соблюдение внешних правил поведения при отсутствии внутренних форм контроля, высокие показатели тревожного ряда и эмоциональной напряженности.

Более высокие показатели у “адаптированных” по *защитным механизмам* “интеллектуализация” и “отрицание” позволяют предположить, что данные типы защит являются наиболее конструктивными в условиях высокой нормативности и ответственности в работе госслужащих. Данное предположение обусловлено тем, что характерное для механизма “интеллектуализация” рациональное объяснение причин поведения и событий, а также характерное для конструктивного варианта механизма “отрицание” самовнушение благоприятного эмоционального настроения и надежды на лучшее (в деструктивном варианте – игнорирование имеющихся проблем и отказ от и решения) способствуют утверждению чувства собственного достоинства, профессиональной компетенции и устранению переживания чувства вины. Защитный механизм “интеллектуализация”, согласно интерпретации Плутчика [18], способствует в своем нормативном проявлении актуализации таких

Таблица 3. Результаты сравнения средних показателей механизмов защит по группам “адаптированных” и “дезадаптированных”

Механизмы защит	“Адаптированные”		“Деадаптированные”		<i>t</i> -критерий	<i>p</i>
	M	σ	M	σ		
Отрицание	6.55	1.58	5.85	1.60	-1.93	.047
Подавление	3.71	1.76	3.47	1.47	-0.63	.533
Регрессия	1.92	1.03	5.68	2.17	9.70	.000
Компенсация	3.49	1.68	5.46	2.17	4.33	.000
Проекция	2.95	1.96	5.02	2.27	4.10	.000
Замещение	2.25	1.72	3.89	2.30	3.35	.001
Интеллектуализация	7.73	1.22	6.32	1.76	-4.02	.000
Реактивное образование	4.86	2.26	5.92	2.63	1.85	.048

Примечание. См. табл. 1.

Таблица 4. Результаты факторного анализа по шкалам СМИЛ, факторам личностного опросника Кеттелла и механизмам защит методики *LSI*

Переменные	Факторы				
	1-й (36.36%)	2-й (17.95%)	3-й (7.57%)	4-й (6.90%)	5-й (4.76%)
Экстраверсия–интроверсия (<i>F1</i>)	.949				
Доброта–обособленность (<i>A</i>)	.924				
Доминантность–конформность (<i>E</i>)	.904				
Интроверсия (0-шкала СМИЛ)	–0.863				
Адекватность самооценки (<i>Ad</i>)	.843				
Смелость–робость (<i>H</i>)	.830		–0.433		
Самодостаточность–социальность (<i>Q2</i>)	–0.728		.516		
Проницательность–наивность (<i>N</i>)	–0.712				
Защитный механизм “отрицание” (ЗМ1)					
Совестливость–недобросовестность (<i>G</i>)		–0.885			
Мечтательность–практичность (<i>M</i>)		.817			
Высокий–низкий самоконтроль поведения (<i>Q3</i>)		–0.802			
Мягкосердечность–суровость (<i>I</i>)		.750			
Защитный механизм “интеллектуализация” (ЗМ7)		–0.628			
Подозрительность–доверчивость (<i>I</i>)		.581			
Напряженность–расслабленность (<i>Q4</i>)		.553	.533		
Независимость–покорность (<i>F3</i>)			–0.73		
Радикализм–консерватизм (<i>Q1</i>)	.463		–0.718		
Компульсивность–социопатия (<i>F4</i>)	.615		–0.67		
Тревожность–приспособленность (<i>F2</i>)		.539	.585		
Склонность к чувству вины–самоуверенность (<i>O</i>)		.555	.578		
Защитный механизм “компенсация” (ЗМ4)			.567		.417
Эмоциональная устойчивость–неустойчивость (<i>C</i>)	.481	–0.537	–0.544		
Защитный механизм “реактивное образование” (ЗМ8)			.468		
Индивидуалистичность (8-я шкала СМИЛ)				.889	
Тревожность (7-я шкала СМИЛ)				.847	
Ригидность (6-я шкала СМИЛ)				.773	
Достоверность (<i>F</i> -шкала СМИЛ)				.649	
Импульсивность (4-я шкала СМИЛ)				.626	
Пессимистичность (2-я шкала СМИЛ)	–0.511			.560	
Защитный механизм “замещение” (ЗМ6)				.520	.462
Коррекция (<i>K</i> -шкала СМИЛ)					–0.807
Защитный механизм “проекция” (ЗМ5)					.747
Ложь (<i>L</i> -шкала СМИЛ)					–0.670
Защитный механизм “регрессия” (ЗМ3)		.446	.434		.474

Примечание. Приведены только те результаты, которые позволили обнаружить различия по группам “адаптированных” и “дезадаптированных”. В скобках рядом с номерами факторов указан объясняемый процент общей дисперсии. Минимальная величина факторного веса, принимавшаяся к рассмотрению, составляла по модулю 0.4.

поведенческих качеств, как ответственность и самостоятельность в принятии решений, самоконтроль, осознанность обязательств, а защитный механизм “отрицание” активизирует уверенное и непринужденное поведение, легкую переносимость критики, оптимизм. Данные эмоциональные и поведенческие составляющие широко

представлены в описании синдрома доминантности как личностной черты [9, 13 и др.].

Более высокие показатели у “дезадаптированных” по защитным механизмам “регрессия”, “проекция”, “замещение” и “реактивное образование” позволяют предположить, что данные ти-

пы защит являются наиболее деструктивными в условиях высокой нормативности и ответственности в работе госслужащих, т.к. относятся, в соответствии со структурной теорией эго-защит Плутчика [18], к наиболее примитивным защитным механизмам с малой степенью осознанности и высокой степенью искажения определенных аспектов объективной реальности.

Защитный механизм компенсации, также характерный для “дезадаптированных”, является более зрелым и конструктивным [18]. Можно предположить, что его использование служит попыткой преодоления деструктивного функционирования примитивных защитных механизмов и нахождения адекватной замены несформированных специальных способностей к госслужбе для достижения необходимых результатов профессиональной деятельности.

Содержательная составляющая механизмов защит “регрессии”, “проекции”, “замещения” и “реактивного образования” позволяет предположительно выделить две компенсаторные формы синдрома дезадаптивного поведения. Первая форма представлена защитными механизмами “регрессии” и “реактивного образования”, которые свидетельствуют о безответственности, инфантильной установке на зависимое поведение с чрезмерным стремлением следовать общепринятым стандартам, получение помощи и поддержки извне, тенденции к возврату на предшествующий уровень развития, к детскому или примитивному способу реагирования на проблемы, что является показателем актуализации потребности в зависимости, соподчиненной потребности в доминировании.

Вторая форма синдрома дезадаптивного поведения представлена защитными механизмами “проекция” и “замещение”, которые тесно связаны с чертами раздражительности, отчужденности в социальных контактах, враждебности, неадекватной настороженности и бдительности. Это является показателем актуализации потребности в противодействии, соподчиненной потребности в доминировании [29].

Эмоциональные и поведенческие составляющие первой и второй форм дезадаптации согласуются с различиями в показателях методик СМИЛ и личностного опросника Кеттелла у групп “адаптированных” и “дезадаптированных”. Выделенные формы дезадаптации позволяют сформулировать предположение о компенсаторной попытке замещения ведущей для госслужащих потребности в доминировании соподчиненными потребностями в зависимости и противодействии.

Таким образом, результаты *t*-анализа подтверждают гипотезу об актуализации конструктивных и деструктивных психологических защит при адаптивном и дезадаптивном поведении и согла-

суются с имеющимися данными [4, 17, 18 и др.] о существовании этих защит в среде, предъявляющей повышенные требования к ответственности и нормативности поведения.

Обратимся теперь к результатам факторного анализа и рассмотрим 1-й фактор. Как видно из табл. 4, в него вошло 13 переменных, из которых наиболее высокие положительные факторные нагрузки содержат переменные *F1* (экстраверсия–интроверсия), *A* (доброта/сердечность – обособленность/отчужденность), *E* (доминантность–конформность) опросника Р. Кеттелла; наиболее высокую отрицательную факторную нагрузку – переменная интроверсия (0-шкала СМИЛ).

Все составляющие данного фактора являются объективными показателями проявления *социального интеллекта* и сформированности *мотивационной черты доминантности* как ведущих компонентов личностных ресурсов, определяющих эффективность работы в профессиях социального типа [1, 2, 7, 23, 29]. В данном факторе не обнаружено ни одного типа защитного механизма классификации Плутчика и переменных тревожно-депрессивного ряда, что является показателем общей эмоциональной уравновешенности и удовлетворенности. Можно заметить, что данный фактор также не содержит защитных механизмов интеллектуализации и отрицания, обнаруженных ранее при сравнительном анализе групп “адаптированных” и “дезадаптированных” и конструктивных для группы адаптированных госслужащих. Это объясняется тем, что конструктивность психологических защит, в соответствии с теорией эго-защит, определяется нормативностью их функционирования и, как следствие, отсутствием их проявления в поведении. Деструктивность же, наоборот, выражается в чрезмерности и сверхинтенсивности их использования, что проявляется на поведенческом уровне в виде акцентированных черт характера, а также перманентных состояний тревоги и эмоциональной напряженности [18]. Вероятнее всего, защитные механизмы интеллектуализации и отрицания не проявляются в синдроме адаптации, поскольку входят в структуру конвенционального социального интеллекта и мотивационной черты доминантности.

Анализ переменных, вошедших в первый фактор, позволяет предположить, что именно данные показатели характеризуют склонность к синдрому адаптации госслужащих. Наличие высокого социального интеллекта и мотивационной черты доминантности отражает общую личностную зрелость госслужащего, что позволяет адекватно строить межличностное взаимодействие, управлять этим взаимодействием и, как следствие, не создавать внешних и внутриличностных

конфликтов, состояний тревоги и эмоциональной напряженности, а также актуализировать разного рода психологические защиты для их устранения. Таким образом, в соответствии со своим содержанием данный фактор может быть интерпретирован как *фактор проявления синдрома адаптации госслужащих*.

Все остальные факторы (второй, третий, четвертый и пятый) являются разными формами несформированности профессиональных ресурсов госслужащего, и, как следствие, разных уровней дезадаптации. Как видно из табл. 4, в данные факторы не вошел ни один показатель социального интеллекта и мотивационной черты доминантности, но вошли различные конфигурации деструктивных типов защит, сопровождающиеся состояниями тревожно-депрессивного ряда, что является согласно данными литературы [3, 4, 14, 18, 28, 29], выраженным признаком дезадаптации.

При наличии влияния психологических защитных механизмов на склонность к проявлению синдрома дезадаптации можно заметить недостаточно высокие факторные нагрузки показателей защит в каждом факторе, что свидетельствует, по-видимому, о незначительном их влиянии на синдром дезадаптации. Обращает на себя внимание факт расщепления показателей защит по разным факторам, что, вероятно, может характеризовать специфичность данной конкретной профессиональной выборки.

При сравнительном анализе факторов, представляющих предрасположенность к развитию синдрома дезадаптации, была выявлена определенная конфигурация показателей (черт), составляющих по описаниям различных психологических исследований [5, 21, 22, 24] общую инфантильную структуру личности, проявляющуюся в двух формах синдрома дезадаптации в зависимости от наличия (третий и пятый факторы) или отсутствия (второй и четвертый факторы) в них защитного механизма компенсации.

Третий фактор образовали десять факторов личностного опросника Кеттелла и защитные механизмы регрессии, компенсации и “реактивное образование”. С наиболее высокими отрицательными значениями факторных нагрузок вошли переменные *F3* (независимость–покорность), *Q1* (радикализм–консерватизм), *F4* (компульсивность–социопатия) опросника Кеттелла. Переменные, вошедшие в третий фактор, описывают синдром инфантильной зависимости от группы, выраженный в чертах подчиняемости, уступчивости, конформизма, чувства вины, потребности в помощи и контроле со стороны окружающих, податливости их влиянию, избегания ответственности за свои действия и др. В соответствии со своим содержанием этот фактор может быть интерпретирован как *замещение потребности в домини-*

ровании соподчиненной потребностью в зависимости, которая предположительно была выделена по результатам *t*-анализа в первой форме дезадаптации.

Пятый фактор представлен комплексом переменных опросника СМИЛ (*K* (коррекция), *L* (ложь)), опросника Кеттелла и защитными механизмами “замещение”, “проекция”, “регрессия”, “компенсация”. Переменные личностных опросников имеют общие характерологические черты, связанные со сниженным самоконтролем, асоциальностью, раздражительностью, повышенной критичностью, подозрительностью, склонностью к соперничеству и т.п. Указанные защитные механизмы характеризуют приписывание другим собственных негативных качеств, перенос агрессии на других и избегание ответственности за собственные действия. Объединение всех признаков может рассматриваться как фактор *замещения потребности в доминировании соподчиненной потребностью в противодействии*, которая предположительно была выделена по результатам *t*-анализа во второй форме дезадаптации. Таким образом, при актуализации механизмов компенсации наблюдается замещение ведущей для госслужащего потребности в доминировании соподчиненными потребностями зависимости от группы или противодействия ей.

Второй фактор содержит девять переменных личностного опросника Кеттелла и защитные механизмы “интеллектуализация” (отрицательная корреляция с фактором) и “регрессия” (положительная корреляция с фактором). С высокими положительными значениями факторных нагрузок вошли переменные *M* (мечтательность–практичность), *I* (мягкосердечность–суровость); с высокими отрицательными значениями факторных нагрузок – переменные *G* (совестливость–недобросовестность) и *Q3* (высокий–низкий самоконтроль поведения). Подобное сочетание переменных является показателем акцентуированной инфантильной черты эмоциональной и поведенческой неуравновешенности с отсутствием внутренних форм контроля и ответственности за свои действия. Комплекс переменных данного фактора, по-видимому, отражает *снижение контроля за удовлетворением замещающей потребности в зависимости*, обнаруженной в третьем факторе.

В четвертый фактор с наибольшими положительными значениями факторных нагрузок вошли переменные восьмой (“индивидуалистичность”), седьмой (“тревожность”), шестой (“ригидность”), четвертой (“импульсивность”) шкал СМИЛ и защитный механизм “замещение”. Данные переменные описывают согласующиеся между собой черты импульсивности, агрессивности, подозрительности, мнительности, дистанцирования от социального окружения и отсутствия

эмоциональной включенности в процесс общения. Весь комплекс признаков характеризует, вероятно, *снижение контроля за удовлетворением замещающей потребности в противодействии*, обнаруженной в пятом факторе. Таким образом, при отсутствии механизмов компенсации наблюдается утрата контроля замещающих потребностей, выражающаяся в патологических формах их удовлетворения. Иными словами, второй и четвертый факторы являются иллюстрацией усиления напряжения замещающих потребностей, приводящих к ослаблению контроля за мотивационным состоянием.

Итак, анализ второго, третьего, четвертого, пятого факторов позволяет выделить четыре формы дезадаптации, которые можно классифицировать по двум основаниям: (1) замещение потребности в доминировании субдоминантными потребностями (зависимости или противодействию) и (2) снижение контроля за удовлетворением замещающих потребностей (зависимости или противодействия). Содержательные характеристики четырех форм предрасположенности к развитию синдрома дезадаптации госслужащих свидетельствуют о наличии общей инфантильной структуры их личности, наиболее типичной для подросткового возрастного периода и невротической личности, описание которых широко представлено в соответствующей психолого-педагогической и клинической литературе [5, 6, 20].

Таким образом, результаты *t*-анализа и факторного анализа подтвердили исходную гипотезу, согласно которой формы предрасположенности к проявлению синдрома дезадаптации у госслужащих проявляются в низком уровне развития социального интеллекта, неудовлетворенной потребности в доминировании и актуализации деструктивных психологических защит.

При пролонгированном состоянии дезадаптации, вероятно, происходит профессиональная деформация структуры личности госслужащего, влияющая на эффективность профессиональной деятельности, исследование которой будет проводиться в последующем цикле работ. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при анализе дезадаптированных форм поведения, при профотборе и коррекции поведенческих расстройств дезадаптивных состояний в профессиях социального типа.

ВЫВОДЫ

1. При предрасположенности к синдрому адаптации обнаруживается высокая степень выраженности социального интеллекта, сформированность мотивационной черты доминантности, отсутствие актуализации психологических защит. При предрасположенности к синдрому дезадапта-

ции обнаруживается низкая степень выраженности социального интеллекта, несформированность мотивационной черты доминантности и наличие деструктивных психологических защит.

2. Предрасположенность к развитию синдрома дезадаптации госслужащих проявляется в двух формах, в зависимости от наличия или отсутствия в них защитного механизма компенсации. При компенсаторной форме наблюдается замещение ведущей для госслужащего потребности в доминировании соподчиненными потребностями зависимости от группы или противодействия группе. При отсутствии механизмов компенсации наблюдается снижение контроля замещающих потребностей (зависимости ли противодействия), выраженных в патологических формах.

3. Типы предрасположенности к развитию синдрома дезадаптации госслужащих (таможенников) можно классифицировать на четыре подгруппы по двум основаниям: (1) замещение потребности в доминировании соподчиненными потребностями (зависимости или противодействия) и (2) снижение контроля за удовлетворением замещающих потребностей (зависимости ли противодействия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминов Н.А. Дифференциальная психодиагностика педагогических стилей. М.: Изд-во Института социальной работы, 1997.
2. Аминов Н.А., Янковская Н.А. Модель работы эффективного психологического консультирования в системе психолого-медико-социальных центров г. Москвы // Психологическая наука и образование. М.: Изд-во МГППУ, 1999.
3. Бассин Ф.В. О силе "Я" и психологической защите // Самосознание и защитные механизмы личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2003. С. 3–12.
4. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
5. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. Л.: Медицина, 1982.
6. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
8. Иванова Е.М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. М.: МГУ, 1987.
9. Кагермазова Л.У., Аминов Н.А., Кабардов М.К. Типология коммуникативных стилей у будущих учителей. М., 2006.
10. Климов Е.А. Психологическое содержание труда и вопросы воспитания. М.: Знание, 1983.
11. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х тт. М.: Педагогика, 1983.
12. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: Изд-во Психологической Ассоциации РФ, 1998.

13. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Промсвещение, 1985.
14. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988.
15. Опросник профессиональных предпочтений. Руководство / Под ред. А.Н. Воробьева, И.Г. Сенина, В.И. Чиркова. Ярославль, 1993.
16. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
17. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
18. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи: Талант, 1996.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
20. Савенко Ю.С. Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типология // Самосознание и защитные механизмы личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2003. С. 622–639.
21. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1998.
22. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980.
23. Солнцева Н.В. Исследование мотивационной основы педагогической деятельности. Научные труды ВГНА. М., 2004.
24. Таможенный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. М.: Изд-во “Ростаможинформ”, 2003.
25. Факторный личностный опросник “Кеттелл-95”. СПб.: ИМАТОН, 1995.
26. Фейдимен Д., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. Т. 1. М.: Изд-во ВЦП, 1985.
27. Фрейд А. Защитные механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2003. С. 339–356.
28. Фромм Э. Защитные механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2003. С. 537–565.
29. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986.

INDIVIDUAL DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TO PROFESSIONAL ACTIVITY CONDITIONS IN CUSTOM AGENCIES STATE EMPLOYEES

L. N. Blokhina

*Competitor of Psychological Institute of RAE, collaborator of department for psychologists' activity coordination,
Federal Customs Service of Russia, Moscow*

The phenomenon of predisposition to syndrome of psychological adaptation and disadaptation development has been studied. The hypothesis according to which predisposition to disadaptation syndrome development in state employees is connected with low indices of social intelligence (cognitive component), dissatisfied need for domination (motivation component) and as the result actualization of destructive psychological defenses is verified. Disadaptive behavior types can be classified by two grounds: substitution of need for domination by subordinate needs (need for dependence or opposition); decrease in substituting needs satisfaction control.

Key words: sociopsychological adaptation, psychological defense mechanisms, social intelligence, need for domination, need for dependence, need for opposition.